

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

1 (98)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

*Перспективы модернизации России начала XIX в.:
Взгляд из Америки*

Prospects of Modernization of Russia in the Early 19th Century: A View from America

Китай: Опыт борьбы с коррупцией

China: The Experience of the Fight Against Corruption

Франция и Россия в эпоху Э. Макрона

France and Russia in the Era of E. Macron

*Современный мировой порядок: Глобальные
и философские проблемы*

Contemporary World Order: Global and Philosophical Issues

**Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год**

**МОСКВА
2018**

Юрий Иванович Игрицкий
Россия и современный
мир №1 / 2018

Серия «Журнал «Россия и
современный мир»», книга 98

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38616943

Россия и современный мир № 1 / 2018:

Аннотация

Профиль журнала – анализ проблем прошлого, настоящего и будущего России их взаимосвязи с современными глобальными и региональными проблемами. Журнал имеет многоплановый, междисциплинарный характер, публикуя материалы по истории, социологии, философии, политической и экономической наукам. Ключевые рубрики – «Россия и мир в XXI веке» и «Россия вчера, сегодня, завтра».

Содержание

Памяти Владимира Алексеевича Виноградова	4
Россия вчера, сегодня, завтра	7
«Он всегда будет жертвой интриг»:	7
придворная борьба Александровской эпохи	
Восстание декабристов и перспективы	48
модернизации России в восприятии	
американцев в 1820-х годах	
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Россия и современный мир № 1 / 2018

Памяти Владимира Алексеевича Виноградова

(02.07.1921–27.12.2017)

Академик РАН, профессор, доктор экономических наук, лауреат Государственной премии СССР, кавалер высших орденов нашей страны и иностранных государств.

После тяжелого ранения в начальной стадии войны демобилизован, поступил учиться в МГИМО МИД СССР. Окончив вуз в 1948 г. (первый выпуск), В.А. Виноградов начинает свою деятельность в Президиуме АН СССР, где впоследствии поднимается до высокой должности заместителя Главного ученого секретаря Академии. В конце 50-х – 60-е годы вносит большой вклад в установление международных связей АН СССР.

В 1972–1998 гг. – директор ИНИОН РАН. Ему удается

превратить научную библиотеку (ФБОН) в исследовательский институт. «Виноградовский» ИНИОН – одно из высших достижений советской социально-гуманитарной науки 70–80-х годов. Этот Институт стал окном России в мир, и наоборот – вхождением мировой науки и культуры в русское сознание.

Владимир Алексеевич был не только выдающимся ученым, но и великим научным администратором. Он сумел превратить «долгострой» рядом с метро «Профсоюзная» в великолепное здание, которое до катастрофического пожара 2015 г. было центром социогуманитарной науки России.

Автоматизация библиотечного дела, создание национальной и международной системы научной информации (МИСОН), самые большие в мире аннотированные базы данных, библиографический центр, не имеющий себе равных, реферативные журналы по всем направлениям социально-гуманитарных наук, аналитика, специнформация, переводы классиков общественной науки XX в. – это и многое другое заслуга академика В.А. Виноградова.

После ухода с поста директора Владимир Алексеевич сосредоточился на работе руководителя Отдела глобальных и региональных проблем ИНИОН и любимого им Совета по экономической истории РАН. Автор 17 монографий и более 400 публикаций, он отдал свой выдающийся талант темам государственной собственности, приватизации, теории научной информации в области общественных наук. Он все-

гда помогал нам, сотрудникам его Института. Внешне строгий, обладал широкой и любящей душой. Создал в ИНИОН атмосферу дружелюбия, уважения друг к другу, терпимости. Учитель, директор, старший друг, источник заботы и защиты. Мудрец, мужественный и красивый человек.

Как мы были счастливы и спокойны, работая с Владимиром Алексеевичем!

Россия вчера, сегодня, завтра

«Он всегда будет жертвой интриг»: придворная борьба Александровской эпохи

А.Г. Готовцева

***Аннотация.** В статье речь идет о политической борьбе при дворе императора Александра I. Анализируются идеи, циркулирующие в придворных кругах в разные этапы правления Александра. Делается вывод о том, что во многом следование этим идеям было продиктовано желанием представителей элиты стать как можно ближе к престолу и устранить конкурентов. При этом сам Александр I умело использовал эти идеологические разногласия в качестве своеобразной системы «сдержек и противовесов».*

***Ключевые слова:** придворная борьба, Александр I, А.А. Чарторижский, П.А. Строганов, П.П. Долгоруков, М.М. Сперанский, А.С. Шишков, А.А. Аракчеев, либерализм, консерватизм, религиозные движения, Священный союз.*

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор Российского государ-

ственного гуманитарного университета, Москва. E-mail: brunhilda@yandex.ru

A.G. Gotovtseva. «He Will Always Be the Victim of Intrigues»: Court Fight in the Reign of Emperor Alexander I

***Abstract.** This article is about the court fight in the reign of the emperor Alexander I. The author analyses the ideas circulating in the court at different stages of Alexander's reign and concludes that the court following these ideas, wanted to become closer to the throne and eliminate competitors, while Alexander used these differences as a system of «checks and balances».*

***Keywords:** the court fight, Alexander I, A.A. Chartoryzhsky, P.A. Stroganov, P.P. Dolgorukov, M.M. Speransky, A.S. Shishkov, A.A. Arakcheev, liberalism, conservatism, religious movements, the Holy Alliance.*

Gotovtseva Anastasya Gennad'evna – Doctor of Philology, Professor of Russian State University for the Humanities (RGGU). E-mail: brunhilda@yandex.ru

1

Близкие друзья великого князя Александра Павловича, составившие после его воцарения Негласный комитет, – та сила, о которой обычно вспоминают, рассуждая о начале царствования Александра I. Эти молодые люди, европейски образованные, подолгу в Европе жившие, размышля-

ли о будущем России именно в европейском контексте. С этой точки зрения среди них выделяется польский магнат князь Адам Чарторижский, императорской волей возглавивший внешнюю политику России. Он мечтал о восстановлении Польши после его разделов Екатериной II. Восстановление это должно было произойти путем отвоевания бывших польских территорий у Пруссии.

Историк Александровского царствования великий князь Николай Михайлович осуждал подобные планы Чарторижского, отмечая, что намерение «à ne rien faire qui pût exercer une fâcheuse influence sur les destinées futures de ma patrie»¹ было хотя «благородно с точки зрения человеческой, патриотично для поляка и его родины, но цинично и даже преступно для руководителя русских интересов» [34, с. 41–42]. Однако в глазах друзей юности, товарищей по Негласному комитету, никакой крамолы в позиции князя не было.

Воспитателем Чарторижского был аббат Шипионе Пьятоли, апологет идеи «вечного мира». Идея эта была сформулирована в начале XVIII в. другим аббатом, Шарлем Сен-Пьером, и с тех пор бытовала в европейской политической культуре (см. об этом подр.: [4, с. 5–24; 1, с. 160–207]). В соответствии с ней Чарторижский пытался строить внешнюю политику России, создавая планы переустройства Европы и ратуя за создание антинаполеоновской коалиции. В

---

¹ «Не делать ничего, что могло бы оказать неблагоприятное влияние на будущие судьбы моего отечества» [54, р. 324].

мемуарах он писал: «Я твердо верил <...> что для меня возможно будет примирить русское стремление с благородными идеями, заставив служить ненасытную жажду русских к славе и первенству благу человечества <...> Я желал, чтобы Александр стал в некотором роде арбитром мира (arbitre de paix) для всего цивилизованного человечества <...> чтобы его царствование, наконец, начало бы новую эру в европейской политике <...> основанную на общем благе и праве каждого» [54, р. 370–371]².

Это – изложение космополитической мечты, лежащей в основе концепции «вечного мира» и всех ее производных. На ее фоне национальные интересы отдельных стран и народов кажутся не столь важными, и рассматривать их стоит только в рамках всеобщего контекста. Поэтому Чарторижский, создавая свои мемуары и заботясь, как любой мемуарист, о собственном положительном образе, считал вполне возможным признаться, что, хотя и «избегал произносить имя Польши, идея ее восстановления скрыто содержалась в самом духе» его внешнеполитической работы, в том направлении, которое он «хотел придать русской политике» [54, р. 372]³. Отмечу, что идею «вечного мира» разделял также воспитатель будущего императора Александра I Фредерик Лагарп, имевший на своего воспитанника несомненное вли-

---

² По причине не вполне точного перевода, сделанного в издании [48] здесь и далее перевод сверен с французским изданием: [54].

³ Оригинал на французском.

ание [37, с. 60–61]. Казалось, что с учетом этого замысла министра не должно ничто помешать.

Но близилась война и, конечно, в окружении юного императора были те, кто пропагандировал активные военные действия против «корсиканского выскочки». Сторонники так называемой «русской партии» противостояли партии «вечного мира». Наполеон называл этих людей «une trentaine de freluquets, que sous différens titre environnent l'empereur de Russie» или просто «ces trente freluquets»⁴, и был уверен, что им платит жалованье английское правительство, а император Александр находится под их полным влиянием [56, р. 493, 501]. Один из современников, граф Александр Ланжерон, остроумно констатировал: «Их было не тридцать, но к несчастью, их было слишком много. Впрочем, Наполеон нашел верное слово...» (цит. по: [50, с. 284]). Взгляды членов «русской партии» были националистические, даже «урпатриотические».

Главой партии был энергичный и амбициозный князь Петр Петрович Долгоруков-младший. Он известен в истории прежде всего своей дипломатической встречей с Наполеоном в ноябре 1805 г. По мнению многих современников, именно поведение князя стало причиной Аустерлицкого раз-

---

⁴ «Тридцать хлыщей, которые под различными титулами окружают императора России», «эти тридцать хлыщей» – фразы из 30-го, «аустерлицкого», бюллетеня Великой армии (12 фримера / 14 (3) декабря 1805 г.).

грома союзных русско-австрийских войск⁵.

Но роль Долгорукова при александровском дворе, его отношения как с императорским окружением, так и с самим монархом, конечно, не ограничиваются незавидной репутацией самоуверенного придворного, который не сумел разгадать гениальную провокацию великого Наполеона. Выполняя сложные дипломатические поручения, князь имел и военные таланты, он занимал далеко не последнее место в придворной иерархии, составляя оппозицию «молодым друзьям» императора (см. об этом подробнее: [12]).

* * *

«Космополиты» убеждали государя, что некоторое изменение существующих границ для восстановления польской государственности обеспечит прочный мир в Европе и защитит ее от Наполеона. Война же с Наполеоном – особенно после трагедии Аустерлица – отнюдь не необходима.

Ближайший друг Чарторижского, граф Павел Строганов, в декабре 1805 г. писал ему из Берлина о желательности «заключить внезапный союз с Бонапартом и вместе есть пи-

---

⁵ Долгоруков держался с французским императором высокомерно, а по возвращении в Главную квартиру представил дело так, будто Наполеон испугался силы Русской армии. Последовало решение союзников атаковать французские войска и катастрофическое поражение. Подобные суждения можно найти в переписке и мемуарах той поры. См., напр.: [35, с. 18, 22, 41].

рожные» [32, с. 346]⁶. В начале 1806 г. он подал императору официальное «мнение», в котором заявлял, что «в настоящем положении польза России требует, чтобы кабинет наш не пренебрег никаких средств, достоинству Е[го] И[мператорского] В[еличесст]ва соответствующих, сблизиться с Франциею». Того же мнения придерживался и сам князь: «Сохранение мира и всеобщего спокойствия Европы с самого начала 1801 года было всегдашним и постоянным предметом попечения российского двора. Для достижения сей главной политической цели надлежало возобновить прежнее доброе согласие, существовавшее в сношениях между Россиею и Франциею до времени революции, и для пользы общего дела надлежало пожертвовать всеми другими уважениями» [44, с. 217; 49, с. 200].

Долгоруков же обещал Пруссии помощь в случае, если та решится воевать с Наполеоном [30, с. 233]. Строганов, так же как и его конфидент князь Адам, был раздражен, считал Долгорукова виновным во всех бедах, а деятельность его не только бесполезной, но и вредной.

Долгоруков же, должно быть, искренне верил в благотворность и необходимость своих действий. Он внушал юному царю: «Вы единственный, государь, кто имеет возможность, средства и желание спасти Европу; но имея дело с деятельным врагом, ему противопоставляют такую же активность,

---

⁶ Оригинал на французском.

чтобы быть уверенным в победе над ним» [35, с. 93–94]⁷.

После Аустерлица, вопреки общей убежденности в невозможности продолжить войну, Долгоруков не отказался от своей риторики: «Вы единственный среди государей Европы, кто своей властью и всеобщим доверием, которое внушает Ваш образ действий и Ваша решимость, может еще его (Наполеона. – А. Г.) остановить <...> Вы можете еще одержать победу в этом прекрасном деле, защитником которого Вы объявили себя в глазах всей Европы и которым Вы удостоились всеобщего поклонения» [35, с. 32]⁸.

За этими словами – целая стройная концепция. Александр должен стать спасителем Европы. Такая роль – нечто существенно отличное от «арбитра мира», которым видел русского императора Чарторижский и его окружение. Гению Наполеона должен быть противопоставлен не миротворец, не верховный судья мирного европейского порядка (на эту роль претендовал сам Бонапарт), а мессия⁹.

Как-то в присутствии государя Долгоруков заявил Чарторижскому: «Вы рассуждаете, милостивый государь, как польский князь, а я рассуждаю, как русский» [35, с. 11].

---

⁷ Оригинал на французском.

⁸ Оригинал на французском.

⁹ Одна из идеологических моделей дискредитации Наполеона, разработка которой началась как раз в декабре 1806 г., – легенда о Наполеоне-лжемессии и Наполеоне-Антихристе (см., напр.: [26, с. 63–64, 301; 18, с. 38–39; 15, с. 235–236; 16, с. 84–85; 31, с. 130–131]). В соотношении с метафорой «Александр – спаситель Европы» она создавала аллюзивную библейскую схему.

Чарторижский действительно был поляком, и этого было достаточно для обвинений. По меткому замечанию А.Л. Зорина, поляки «воспринимались как пятая колонна внутри империи» [17, с. 165]. Ф.Ф. Вигель писал: «Князь Адам Чарторижский <...> сделался всем ненавистен. В средних классах называли его прямо изменником, а тайная радость его при виде неблагоприятных для нас событий не избежала также от глаз высшей публики» [8, с. 404–405]. Чарторижский признавался в мемуарах: «Русские воображали себе, что я тайно сочувствую Франции» [54, р. 351]. «Изменнический» мотив дискредитации оппонентов окажется значимым и в дальнейшем.

2

Во время военных действий 1806–1807 гг. возобладала одна модель – «спасение», в данном случае спасение Европы. Борьба за влияние переносится в главную квартиру армии и касается в основном военных дел. Так или иначе, к моменту заключения Тильзитского мира, когда противоборство придворных вернулось от бивуаков в дворцовые залы, лица при дворе сменились¹⁰.

---

¹⁰ В декабре 1806 г. умирает Долгоруков. Полугодом ранее, в июле, подал в отставку Чарторижский. Утратив влияние на императора, хотя и сохранив личное общение, он перестал играть при дворе былую роль. В.П. Кочубей покинул пост министра внутренних дел в ноябре 1807 г. по причине слишком заметной

Место при особе императора занял новый потенциальный вершитель судеб империи – М.М. Сперанский. «Новый фаворит, – замечает А.Л. Зорин, – лишь заполнил функциональную нишу, возникшую с уходом с государственной арены членов Негласного комитета, и прежде всего Чарторижского» [17, с. 215]. Собственно, и сам Сперанский отмечал подобную преемственность в известном Пермском письме Александру I: «В существе своем он (план государственного преобразования. – А. Г.) не содержал ничего нового; но идеям, с 1801 года занимавшим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение» [40, с. 412].

То, что в Негласном комитете существовало лишь в набросках и суждениях, у Сперанского получает стройную систему. Говоря словами Ключевского, «он был идеолог или теоретик», ум которого работал лишь с отвлеченными понятиями [21, с. 199].

Политика на некоторое время разворачивается на внутренние дела. Сперанский начинает готовить свои реформы. Следует обратить внимание на то, каким он видел российского императора: «В России государь соединяет в себе все

для послетильзитской России симпатии к Англии. Что касается находившегося в Лондоне Строганова, то он, поняв, что в Петербурге все изменилось и «друзья его сошли со сцены», принял решение покинуть гражданскую службу. Он ушел со всех высоких государственных постов еще раньше Кочубея, в марте 1807 г., и поступил в действующую армию, добровольно отказавшись от придворного влияния. Из друзей юности рядом с Александром остался лишь Н.Н. Новосильцев, однако и тот уже никогда больше не пользовался прежним влиянием. В 1809 г. он уехал в Вену.

роды сил, он есть законодатель, верховный судия и первый исполнитель своих собственных законов – вот что называем мы государственным постановлением и на сем одном понятии основываем мы все наши суждения о законах» [41, с. 185]. Если вспомнить рассуждения Чарторижского об императоре – «арбитре мира», то можно заключить, что в проектах Сперанского государю предлагалась та же роль, но по отношению к собственным подданным¹¹.

Главную оппозицию Сперанскому, как известно, составлял тверской салон великой княгини Екатерины Павловны, по просьбе которой Н.М. Карамзин написал свою «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Конечно, нет никаких доказательств, однозначно подтверждающих знакомство Александра I с «Запиской...» Карамзина, но нет и никаких сомнений, что настроения кругов, близких в великой княгине, и порождаемые ими суждения были императору хорошо известны. Сам Карамзин был чужд властных амбиций, однако его перо могло быть использовано. В центре его записки – идея спасения, предложенная еще П.П. Долгоруковым; однако эта идея предложена на другом историческом фоне. Европа, по мне-

---

¹¹ А.С. Шишков в относительно недавно обнаруженном сатирическом наброске, озаглавленном «Прогулка. Стихи к А.С. Хвостову» изобразил некоего «Мироправа» (*arbitre de paix* – А. Г.). Догадка публикатора М.Г. Альтицшллера о том, что под этим именем Шишков изобразил Александра I «с его несостоятельными либеральными замыслами» в свете приведенных выше обстоятельств лишь подтверждается (см.: [2, с. 13–17]).

нию Карамзина, уже проиграна «в Аустерлице и Фридрихсвальде». В новой обстановке нужно было думать только о России – «чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т.е. не принимать мира, кроме честного» [19, с. 54].

А проект уложения государственных законов, подготавливаемый Сперанским, в оценке Карамзина, не что иное, как переведенный кодекс Наполеона: «Обещают скорый конец плаванию и верную пристань. Уже в Манифесте объявлено, что первая часть законов готова, что немедленно готовы будут и следующие. В самом деле, издаются две книжки под именем проекта Уложения. Что ж находим?.. Перевод Наполеонова Кодекса! <...> Время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применены к нашему гражданственному состоянию? <...> когда имя Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его Кодекс на святой алтарь Отечества?» [19, с. 92]¹².

Сперанский убеждал государя, что хотя войны с Наполеоном нельзя избежать, ее необходимо отсрочить на возможно долгое время: «Нет никакой вероятности, чтоб Франция начала войну, если Россия строго будет держать себя в настоящем положении» [41, с. 409]. Это было вполне в русле того отношения, которое высказывали представители Негласного комитета. И вызывало такую же реакцию оппозицион-

---

¹² *Между тем, как отмечал биограф Сперанского М.А. Корф, «Наполеонов кодекс, каковы бы ни были частные его несовершенства, вполне соответствовал всем тогдашним требованиям науки и общества» [23, с. 162].*

ных кругов. Как отмечает А.Л. Зорин, «парадоксальным образом деятельность Сперанского, направленная на корректировку профранцузской линии официальной дипломатии, могла выглядеть в глазах недостаточно информированных людей как проявление его особой симпатии к Франции» [17, с. 193]. Даже польский контекст был призван его противниками в качестве аргумента [17, с. 212–213].

Но все эти обвинения в пособничестве Наполеону в постильзитский период были мало состоятельны: с равным успехом можно было записать в изменники самого императора, который дружески обнимался с Наполеоном и называл его братом. Кроме того, Сперанский не был поляком. Поэтому нужен был другой, более сильный довод.

И здесь появляется новый элемент – религиозно-мистический. Он был в каком-то смысле подсказан действиями самого Сперанского, пытавшегося унифицировать масонство для объединения и просвещения духовенства [11, с. 108–109; 17, с. 217–221]. Терминологической и идеологической базой для противников реформатора в этом контексте стала преимущественно книга французского аббата Огюстена Баррюэля «Памятные записки к истории якобинства», первая часть которой была издана на русском языке в 1805 г.¹³

Из круга той же Екатерины Павловны вышел еще один

---

¹³ С 1805 по 1809 г. вышло два издания перевода этой книги на русский язык. Сочинение Баррюэля проводило идею всемирного масонского заговора и во многом определило самосознание противников реформ [17, с. 202–206].

любопытный документ, направленный императору, а именно «Записка о мартинистах» Ф.В. Ростопчина. «Мартинисты, – писал Ростопчин, – возвысили и умножили свою секту присоединением значительных лиц, которым доставили важные должности <...> Они все более или менее преданы Сперанскому, который, не придерживаясь в душе никакой секты, а может быть, и никакой религии, пользуется их услугами для направления дел и держит их в зависимости от себя». «Я уверен, – продолжал он далее, – что Наполеон, который все направляет в своих целях, покровительствует им и когда-нибудь найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколь и опасном <...> Эта секта не что иное, как потаенный враг правительства и государей» [38, с. 79–81]. Суждения этого рода для официальной государственной власти всегда имеют чувствительный «прикус» реально существующего заговора.

В этот же контекст укладываются знаменитые четыре главы «О России» – итог публицистической деятельности 1809–1811 гг. сардинского посланника при русском дворе Жозефа де Местра, которые были переданы императору. Образовательные проекты Сперанского прямо затрагивали интересы протежируемых посланником иезуитов. Последняя глава этого сочинения Местра, «De l'iliminisme», посвящена иллюминизму¹⁴. Местр, конечно, был осторожен и не бросал, да и не мог бросать прямых личных обвинений в адрес Сперанского.

---

¹⁴ Название это неточно переводят как «О просвещении».

ранского. Его задача была другая: дать императору почувствовать общий контекст и обозначить некую угрозу, существующую внутри правительства: «В своем наступлении эта организация (иллюминаты. – А. Г.) как будто остановилась на подступах к России. Почему? Потому что народ, а лучше сказать – огромная глыба нации просто не готова воспринять ее нашествие, но если правительство предоставит протестантам свободу действий и начнет покровительствовать протестантскому учению, в России случится то, что уже случилось в других странах» [28, с. 89].

В письмах же своему королю Виктору Эммануилу I и другим конфидентам дипломат куда более откровенен: в связи с «весьма влиятельной сектой, которая уже давно поклялась низвергнуть все троны» прямо упоминает имя «г-на Сперанского»¹⁵. Ненависть ко всякого рода тайным обществам и масонским сектам, сильнейшей из которых виделись в то время иллюминаты, весьма сближала православных патриотов Карамзина и Ростопчина с истинным католиком и апологетом иезуитов Местром.

---

¹⁵ Местр был уверен «в существовании [в России] весьма влиятельной секты, которая уже давно поклялась низвергнуть все троны и с адской ловкостью использует для сего самих государей». При этом зараженные германской философией придворные, такие как «г-н Сперанский», который «исполняет веления той обширной секты», «погубят императора». Впрочем, и сам император не чужд губительных идей: «Истинный враг России – это ее правительство и даже сам император, который дал соблазнить себя новейшими идеями и прежде всего германской философией, которая для России есть не что иное, как настоящий яд» [27, с. 120, 132, 181, 217].

Сперанского обвиняли в иллюминатстве многие его противники [40, с. 231]. Он сам признавался царю в феврале 1811 г.: «В течение одного года я попеременно был мартинистом, поборником масонства, защитником вольностей, гонителем рабства и сделался, наконец, записным иллюминатом» [43, с. 460]. В.И. Семевский писал по этому поводу: «Слово “иллюминат” стали употреблять в весьма неопределенном смысле, обозначая им, каждый со своей точки зрения, вообще людей неблагонамеренных» [39, с. 9]. Поэтому ясно, что Сперанского обвиняли не столько в принадлежности к последователям ликвидированного в середине 1780-х годов ордена Вейсгаупта (хотя и это тоже имело место), сколько делали человеком, который готовит свержение в России существующей власти. Такой дискурсивный ход был очень удобен еще и потому, что Александр I хорошо помнил, при каких обстоятельствах сам стал императором.

3

С началом Отечественной войны 1812 г. вновь возобладала идея спасения – теперь уже не Европы, а Отечества. Сперанский, как известно, был смещен, а на место государственного секретаря (конечно с несравнимо меньшими полномочиями) был назначен А.С. Шишков, который и стал главным идеологом борьбы с Наполеоном внутри страны.

Однако с выходом военных за пределы России актуализи-

зовалась идея спасения Европы, которая теперь противопоставляла себя спасению Отечества на идеологической основе христианского универсализма [17, с. 242–266]. Это было диалектическое перерождение идеи спасения Европы, предложенной еще Долгоруковым. Она выросла из синтеза идей мессианства российского государя с идеями вечного мира, которая не была забыта императором¹⁶.

Выражением этого синтеза стал Священный союз, который, удивил современников. Его называли и «возвышенным абсурдом» (Р.-С. Каслри), и «плодом воображения, достигшего наивысшей степени экзальтации» (Э.-Д. Паскье), и шиболетом, лишенным смысла («shibboleth vide de sens») (К.-В. Миттерних). Подобные отзывы были спровоцированы, конечно, тем, что религиозно-мистический текст Акта Священного союза не имел ничего общего с дипломатическим документом и «был составлен так, что под него можно было подвести практически любое содержание» (см. об этом: [36]).

Интересную деталь эпохи Священного союза описал Б.М. Гаспаров. В общественном сознании актуализируются и даже контаминируются два образа императора. С одной стороны, он Спаситель, а с другой – идеальный Цезарь, вселенский предводитель монархов («царь царей»), верхов-

---

¹⁶ *Графиня Софья Шуазэль-Гуфье вспоминала о своей беседе с Александром I в конце 1812 г.: «Я также отметила некоторые соответствия между идеями государя о всеобщем мире и сочинением Сен-Пьера» [52, с. 93].*

ная власть которого гарантирует вселенский мир и дарует «золотой век» всем народам (в сущности, он тот же *arbitre de paix*). Такую контаминацию обеспечила, конечно, новая мистическая составляющая государственной идеологии, изменившая взгляды самого царя: некогда чуждая его рационализму идея «спасения» в свете мистической религиозности становится такой же актуальной, как идея «всеобщего мира». Любопытное свидетельство тому – переписка с Лагарпом, убеждающим своего царственного воспитанника не участвовать в военных действиях Ста дней. Александр отверг эту идею, заявив, что не будет склоняться перед «гением зла», ибо «нужно мужество сражаться с ним» [3, с. 79].

Акт Священного союза – символический документ, заканчивающий войну и примиряющий две дискурсивные модели: мессианство и вечный мир. Однако это относилось к сфере внешней политики. Политика внутренняя жила по своим законам.

Религиозно-мистический элемент, который использовался традиционалистами для дискредитации Сперанского, проник в государственную идеологию и стал полностью поддерживаться монархом.

Возникшее в конце 1812 г. Библейское общество стало выражением такого рода воззрений. Как метко замечает Р. Уортман, «Библия сменила философию в качестве источника этических взглядов, оправдывающих власть императора» [45, с. 299]. Стоит здесь согласиться с М.Л. Майофис,

утверждающей, что цель Библейского общества была «с помощью разнообразных мер в области просвещения и реорганизации религиозной жизни мирно, избегая социальных потрясений, совершить модернизацию духовной жизни подданных. Модернизация подразумевала в этот момент создание единого правового, политического и культурного европейского пространства». А само общество «и насаждавшаяся посредством его модель христианства стали в этот период орудиями либерализации режима и модернизации» [25, с. 290, 292].

* * *

В придворной структуре Александровского царствования Сперанскому часто противопоставляют Аракчеева. Схема эта, прочно вошедшая в историографию, восходит к знаменитой пушкинской сентенции о «гениях зла и блага». Однако во времена Сперанского Аракчеев еще не был главой большой придворной партии. Он и сам еще не видел себя в качестве такового. Через две недели после высылки Сперанского будущий грозный временщик писал брату Петру: «Теперь приступаю к описанию, что, я думаю, известно вам уже, о выезде из Петербурга господина Сперанского и господина Магницкого. На их счет много здесь говорят нехорошего, следовательно, если это так, то они и заслужили свою нынешнюю участь, но вместо оных теперь партия знатных на-

ших господ сделалась уже чрезвычайно сильна, состоящая из графов Салтыковых, Гурьевых, Толстых и Голицыных. Следовательно, я, не быв с первыми в связи, был оставлен без дела, а сими новыми патриотами равномерно нелюбим, также буду без дела и без доверенности» [5, с. 191].

Князь Александр Николаевич Голицын, будущий глава Библейского общества и министр духовных дел и народного просвещения, которого под именованим «Голицыных» судя по всему, и имел в виду Аракчеев вольно или невольно способствовал падению Сперанского. Обер-прокурор Святейшего Синода, Голицын чувствовал, конечно, в написанном реформатором проекте унификации масонских лож, предполагавшем кроме прочего «объединение наиболее способных из духовных лиц всех сословий» [10, с. 253] вторжение в сферу своей компетенции. Это, видимо, и послужило поводом к тому, что через Голицына получил доступ к царю Жозеф де Местр. По крайней мере близкий Сперанскому человек, Федор Матвеевич Гауеншильд, директор благородного пансиона при Царскосельском лицее, свидетельствовал, что тот именно Голицыну «приписывал свое падение» [10, с. 261]. Это, впрочем, не мешало последнему взаимодействовать со Сперанским до его падения – по делам реформы духовного образования [22, с. 19–21], а после – использовать его идеи о духовном объединении государственных людей уже в рамках своих собственных проектов [9, с. 137–138]. Сперанский же в должности Сибирского генерал-губернато-

ра активно участвовал в деятельности детища Голицына – Российского библейского общества [22, с. 21].

Нельзя не признать, что существует огромная традиция, считающая князя Голицына лидером обскурантов и главой структуры, которую как современники, так и потомки характеризовали эмоционально («министерство народного затмения». – *Н.М. Карамзин*; «министерство религиозно-утопической пропаганды». – *Г.В. Флоровский*). На самом деле, многие инициативы лично Голицына и возглавляемого им Министерства духовных дел и народного просвещения укладывается в проевропейский космополитический дискурс [ср.: 46]. А именовать его «либеральным» или нет – вопрос терминологии.

Итак, к 1817 г., моменту создания голицынского «сугубового» министерства, «космополитическая» ниша при особе императора оказалась прочно занята. Окончательно вошедший в силу Аракчеев стал искать центр противоположного полюса. Саркастичный Н.И. Греч вспоминал: «Аракчеев издавна со всею злобою зависти смотрел на успехи в распространении силы Голицына. Под влиянием его внушений составила партия антиголицынская, ничем не лучше в нравственном отношении» [14, с. 266]. Современники, размышлявшие на эту тему, в своих оценках солидарны. Аракчеев «стоял на почве неподвижного православия», осуждал Библейское общество, прервал отношения с Голицыным, любил все русское и вообще был «великим патриотом» [6, с. 123;

7, с. 255; 53, с. 196–197].

Главным «рупором» аракчеевской партии стал настоятель Юрьева монастыря архимандрит Фотий (Спасский). Именно его устами царю предлагалась та же самая роль мессии, спасителя, только в жизни духовной и во внутренней политике государства. В формате же религиозного дискурса она становится и вовсе очевидной: «Помазанник Божий! Убо да воскреснет Бог и десницею Твоею и духом на Тебе сущих, – да расточатся враги Бога, – отцев наших, противник Господа нашего Иисуса Христа, хульники Святого Духа, последователи новой вражией прелести, лютого неверия Антихристова; и яко исчезает дым, да исчезнут со всем ложным учением от лица земли наша!».

Теперь враг, Антихрист, уже не «Наполеон видимый», а «духовный Наполеон»: «Бог победил видимого Наполеона, вторгшегося в Россию: да победит Он и духовного Наполеона лицом твоим, коего можешь ты, Господу содействующу, победить в три минуты». «Духовный» Наполеон – образ собирательный. Это и «сугубое» министерство, и Библейское общество и различные мистики, в том числе из бывшего ближайшего окружения Сперанского¹⁷.

---

¹⁷ К ним, в первую очередь, следует отнести Р.А. Кошелева, у которого, по свидетельству Ф.М. Гауеншильда, Сперанский был другом дома, но затем Кошелев стал считать его врагом. Кошелев – фигура крайне любопытная. Существует мнение, что именно он был серым кардиналом религиозной политики Александра I. Архимандрит Фотий в первую очередь его считал истинным врагом православной веры (обзор мнений о Кошелеве см.: [29, с. 223–224]).

Фотий писал о некоем возглавляемом Голицыным тайном обществе: «Общество, верующее во Антихриста, общество карбонариев, всячески старается к 1836 году сделать приготовления, аки бы к учреждению единого Царства Христова. Ибо в 1836 году замысел есть, что уже все царства, церкви, религии, законы гражданские и всякое устройство должны быть уничтожены, и должна аки бы начаться какая-то единая в сем мире новая религия – едино стадо, единое царство, и должен быть аки бы единый какой-то царь, коего столица предназначается быть в Иерусалиме» [47, с. 377, 378].

С одной стороны, обвинения Голицына в карбонарстве было следствием появления в России реальных тайных обществ, вдохновителем которых сторонники партии Аракчева называли главу Библейского общества (см. подр.: [13, с. 196–202]). С другой стороны, эти обвинения не были новы для традиционалистов: иллюминатство, в котором обвиняли Сперанского, и карбонарство, которое ставили в вину Голицыну, при всей разнице как самих этих терминов, так и путей их проникновения в Россию, с семантической точки зрения весьма близки между собой, так как потеряли свой первоначальный смысл. Тому, кого именовали иллюминатом или карбонарием, априорно приписывалась подготовка революции, т.е. ниспровержения существующего порядка вещей. «Ах! боже мой! он карбонари!» – восклицает грибоедовский Фамусов в адрес Чацкого.

Подобные обвинения своих оппонентов традиционны для

определенных кругов возле престола. Так, в 1831 г., уже в царствование Николая I, дальний родственник князя Голицына, А.Б. Голицын, пугал императора заговором иллиуминатов, от которых необходимо спасти государство [11, с. 9–11].

Филиппики Фотия вполне согласовывались с обращениями к царю адмирала А.С. Шишкова. Сравнение вдохновленной Наполеоном «грозы двенадцатого года» с «грозой» голицынской деятельности становится для обоих общим местом: «Угодно было монаршей воле Твоей, без всякого у меня вопроса и без всякого искания моего, наименовать меня министром народного просвещения в самое многотруднейшее время. Я повиновался священному гласу Твоему в 1812 году, когда враг Отечества шел с оружием на Россию. С тем же пламенным усердием повинуюсь и ныне, когда тайная вражда умышляет против церкви и престола».

«Тайная вражда» укоренилась в Министерстве народного просвещения, поэтому необходимо «употребить способы к тихому и скорому потушению того зла, которое хотя и не носит у нас названия карбонарства, но есть точно оно», а «министерство просвещения <...> явно и очевидно попускало долгое время расти сему злу, и, мало сказать, попускало, но оказывало тому всякое покровительство и ободрение» [51, с. 1–2].

Шишков, так же как и Фотий, предлагал Александру роль спасителя Отечества от скверны. Симптоматично, что

и здесь Европа оказывается в антитезе России: «Одно слово Твое, один взор рассеет в царстве Твоем всех вольнодумцев, учеников чужих земель. Они почувствуют заблуждение свое и обратятся на правый путь. Престол Твой оградится вернейшими Тебе сердцами, и чужеземные козни не посмеют и приблизиться к пределам Твоего царства. Ты защитил народ Свой от вооружившейся на него Европы, Ты спасешь его от сильнейшего врага – адского духа, устремляющегося искоренить в нем веру и все добродетели. Твой народ возлюбил Тебя, чуждые страны прославят, потомство будет Тебе благодарно, и Бог, по долговременной жизни Твоей, примет Тебя в Свои объятия» [51, с. 79].

Когда в 1824 г. Голицын был отстранен почти от всех занимаемых им должностей, место министра народного просвещения занял именно Шишков, как некогда он же занял место Сперанского.

4

Нет сомнения, что император Александр I не был сторонним наблюдателем борьбы возле престола, напротив, находясь между двух лагерей, он умело лавировал между ними. Двуличие «северного сфинкса» неоднократно описано в исследованиях и мемуарах. Историк В.О. Ключевский искал его истоки в детских годах цесаревича: «Александр уечно приходилось вращаться между двумя противоположны-

ми течениями, из коих ни одно не было ему попутным, стоять между двумя противоречиями, подвергаясь опасности стать третьим, попасть в разлад с самим собой» [21, с. 192].

М.М. Сперанский в адресованной Александру I оправдательной записке 1813 г. приписывал такое поведение императора «общему мнению», которое заставляет императора поступать неправильно: «Исполнители, коих Ваше Величество употребляли в сем деле (составлении “твердых законов”, реформах), каждый попеременно в свою очередь, были предметом зависти, клеветы и злословия в большей или меньшей степени». И далее: «Не попустите, Всемилостивейший Государь, чтобы система ложных страхов и подозрений – система, коею, как я догадываюсь, ищут уловить внимание Вашего Величества, – что система сия, всегда приводившая Государей к бесславию, а Государства к бедствиям, превозмогла над достоинством морального Вашего характера» [42, с. 33, 44].

«Система», о которой пишет Сперанский, не была внешней по отношению к Александру, и ближайшее окружение царя это видело уже в начале его правления. Граф Строганов, размышляя о характере своего царственного друга, писал жене в феврале 1806 г.: «Я жалею его, что он имеет такой характер, который будет причиной того, что он никогда не сможет найти верных слуг и всегда будет одурачен шарлатанами и будет жертвой интриг. Его слабость – причина нестабильности его системы, и я не стал бы утверждать, что

не она управляет нашим отечеством» [33, с. 199]¹⁸.

Глава австрийской дипломатии К.-В. Меттерних отмечал в донесении императору Францу I в августе 1817 г.: «Ваше величество, без сомнения убеждены издавна, что ум императора Александра неспособен твердо придерживаться одного и того же круга идей» [55, р. 54]. Но вряд ли дело было в неспособности императора, в слабости его характера. «Молодой государь <...> отлично разбирался между разными личностями и умел вовремя выдвинуть того или другого деятеля, оставаясь лично как бы в стороне и не оказывая наружного предпочтения любимцу данной минуты», – замечал великий князь Николай Михайлович [34, с. 26].

Александр никогда не одаривал всем своим доверием какую-либо одну придворную партию, а, по меткому выражению А.А. Кизеветтера, «становился в свою любимую позу между двух противоположных течений» [20, с. 340]¹⁹. Он, подобно пушкинскому Онегину, все время менял маски:

Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной...

---

¹⁸ Оригинал на французском.

¹⁹ Справедливости ради стоит отметить, что Кизеветтер пишет в процитированном отрывке об уравновешивающем влиянии Сперанского и Аракчеева, с чем автор данной статьи не вполне согласна.

Традиционно противопоставляют «дней Александровых прекрасное начало» и послевоенную эпоху, когда император Александр в поисках мистического озарения оставил дела государственные и в стране наступила темная реакция. Однако с точки зрения придворной борьбы, проходящей в разные периоды Александровского правления, подобная оценка не может быть зафиксирована однозначно. Наоборот, ярко выражена преемственность между дискурсивными моделями, которые перетекали из одного периода царствования в другой.

Ю.М. Лотман писал о страсти Александра I к различным театральным эффектам в повседневной жизни [24, с. 279–287]. Не испытывая склонности к просмотру театральных пьес, «северный Тальма» сам желал быть и актером, и, еще более, режиссером. И это проявлялось не только в любви к командованию парадами или разыгрыванию эффектных слезных мизансцен. В большой пьесе царствования Александра Павловича, написанной им самим, менялись декорации и исполнители главных ролей, но пьеса не сходила со сцены, пока не была отыграна до конца.

Библиография

1. Алексеев М.П. Пушкин и проблема «вечного мира» // Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1972. С. 160–207.

2. Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М.: Нов. лит. обоз., 2007. 444 с.

3. Андреев А.Ю. Император Александр I и начало нового века в семантике Священного союза (из истории одного рождественского гимна) // Изобретение века: Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: Нов. лит. обозр., 2013. С. 71–84.

4. Андреева И.С. Вековая мечта человечества // Трактаты о вечном мире. М.: Алетейя, 2003. С. 5–26.

5. Аракчеев А.А. Письмо П.А. Аракчееву, 3 апреля 1812 г. // Русская старина. 1874. Т. 10. Кн. 5 (май). С. 190–192.

6. Брадке Е.Ф., фон. Автобиографические записки // Аракчеев: Свидетельства современников. М.: Нов. лит. обоз., 2000. С. 106–126.

7. Булгарин Ф.В. Поездка в Грузино в 1824 году // Аракчеев: Свидетельства современников. М.: Нов. лит. обоз., 2000. С. 252–263.

8. Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн.1. 607 с.

9. Вишленкова Е.А. «Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России первой четверти XIX века». Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002. 439 с.

10. Гауеншильд Ф.М. М.М. Сперанский / Пер. с нем. // Русская старина. 1902. Т. 110. кн. V (май). С. 251–262.

11. Гордин Я.А. Мистики и охранители. Дело о масонском

заговоре. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 1999. 288 с.

12. Готовцева А.Г. «Русский князь» при императорском дворе: Петр Долгоруков и Александр I // Уральский исторический вестник. 2015. № 1 (46). С. 73–81.

13. Готовцева А.Г., Киянская О.И. Рылеев. М.: Молодая гвардия, 2013. 350[2] с. (Жизнь замечательных людей.)

14. Греч Н.И. Воспоминания старика // Аракчеев: Свидетельства современников. М.: Нов. лит. обоз., 2000. С. 263–276.

15. Дубровин Н.Ф. Наполеон в современном обществе и в русской литературе // Русский Вестник. 1895. Т. 237. № 4. С. 214–248.

16. Дубровин Н.Ф. Наполеон в современном обществе и в русской литературе // Русский Вестник. 1895. Т. 239. № 7. С. 73–114 [оконч. предыдущ.].

17. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла. М.: Нов. лит. обоз., 2001. 414 с.

18. Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 31–47.

19. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.

20. Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М.: Территория будущего, 2006. 448 с.

21. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5: Курс рус-

ской истории. Ч. 5. 476 с.

22. Кондаков Е.Ю. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 343 с.

23. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. СПб.: Тип. II отд. собст. е.и.в. канц., 1861. Т. 1. XVIII, 283 с.

24. Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 269–287.

25. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Нов. лит. обоз., 2008. 800 с.

26. Мельникова Л.В. Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху Наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007. 416 с.

27. Местр Ж, де. Петербургские письма. СПб.: Инапресс, 1995. 334 с.

28. Местр Ж., де. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. 104 с.

29. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2011. 560 с.

30. Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: Тип. Штаба отд. корп. внутр. стражи, 1844. 304 с.

31. Наринский М.М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе // История СССР. 1990. № 1. С. 126–138.

32. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I: в 3 т. СПб.: Эксп. загот. госуд. бумаг, 1903. Т. 2. XXII, 435 с.

33. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I: в 3 т. СПб.: Эксп. загот. госуд. бумаг, 1903. Т. 3. XXXII, 381 с.

34. Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб.: Экспед. загот. госуд. бумаг, 1912. Т. 1. XIV, 580 с.

35. Николай Михайлович, вел. кн. Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки. Изд. 2-е, испр. и дом. СПб.: Эксп. загот. госуд. бумаг, 1902. 189 с.

36. Парсамов В.С. «Апокалипсис дипломатии» («Акт о Священном союзе» в интерпретации К.-В. Миттерниха, баронессы Крюденер, Жозефа де Местра и Александра Стурдзэ) // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. Вып. 20. С. 44–66.

37. Парсамов В.С. Мечты о мирном XIX веке // Изобретение века: Проблемы и модели времени в России и Европе

XIX столетия. М.: Нов. лит. обозр., 2013. С. 55–72.

38. Ростопчин Ф.В. Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Ека-терина Павловне // Русский архив. 1875. Кн. III. № 9. С. 75–81.

39. Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие го-ды. 1908. № 2 (февраль). С. 1–50.

40. Семевский В.И. Падение Сперанского // Отечествен-ная война и Русское общество 1812–1912: Юб. изд: в 7 т. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. Том II: После Тильзита. Россия перед 1812 г. С. 221–246.

41. Сперанский М.М. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст., ком. В.С. Парсамова. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.

42. Сперанский М.М. Оправдательная записка, адресо-ванная Александру I, 1813 г. // Дружеские письма графа М.М. Сперанского к П.Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 г., с историческими пояснениями, составленными К. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости графа М.М. Сперанского. СПб.: тип. II отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1862. 142, 16 с.

43. Сперанский М.М. Отчет о делах 1810 г., представ-ленный императору Александру I 11 февраля 1811 года // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1877. Т. 21. С. 447–462.

44. Строганов П.А. Мнение (нач. 1806 г.) // Сборник Им-ператорского русского исторического общества. СПб.: Тип.

Стасюлевича, 1892. Т. 82: Дип. сношения России и Франции в эпоху Наполеона I. Т. III: 1805–1806. С. 215–217.

45. Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. 605 с.

46. Фаджионатто Р. А.Н. Голицын // Против течения. Исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX в. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2005. С. 218–266.

47. Фотий (Спасский), архимандрит. Борьба за веру. Против масонов. М.: Ин-т рус. цивилиз., 2010. 400 с.

48. Чарторижский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: в 2 т. М., 1912–1913. Т. 1. [2], X, 388 с.

49. Чарторижский А.А. Записка (нач. 1806 г.) // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1892. Т. 82: Дип. сношения России и Франции в эпоху Наполеона I. Т. III: 1805–1806. С. 200–214.

50. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897. Т. 2. 408 с.

51. Шишков А.С. Записки. М.: Унив. тип., 1868. [2], II, 142 с.

52. Шуазель-Гуффье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе / Пер. с франц. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2007. 236 с.

53. Щебальский П.К. Шишков, его союзники и противни-

ки // Русский вестник. 1870. Т. 90. № 11/12. Пар. 1. С. 192–254.

54. Czartoryski A. Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre Ier: 2 vol. Paris, 1887. Т. 1. XX, 438 p.

55. Metternich C-V. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'État; pub. par son fils le prince Richard de Metternich: 8 vol. Paris: E. Plon et Cie, 1881. Т. III. 631 p.

56. Napoléon Ier. Oeuvres de Napoléon Bonaparte: 5 vol. Paris: C.L.F. Panckoucke, 1821. Т. III. [4], 524 p.

References

Alekseev M.P. Pushkin i problema «vechnogo mira» // Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovanija. Leningrad: Nauka, 1972. P. 160–207.

Al'tshuller M.G. Beseda ljubitelej ruskogo slova: U istokov ruskogo slavjanofil'stva. Moscow: Nov. lit. oboz., 2007. 444 p.

Andreev A.Ju. Imperator Aleksandr I i nachalo novogo veka v semantike Svjashhennogo sojuza (iz istorii odnogo rozhdestvenskogo gimna) // Izobretenie veka: Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope XIX stoletija. Moscow: Nov. lit. obozr., 2013. P. 71–84.

Andreeva I.S. Vekovaja mechta chelovechestva // Traktaty o vechnom mire. Moscow: Aletejja, 2003. P. 5–26.

Arakcheev A.A. Pis'mo P.A. Arakcheevu, 3 apr. 1812 // Russkaja starina. 1874. Vol. 10. Kn. 5 (may). P. 190–192.

Bradke E.F., fon. Avtobiograficheskie zapiski // Arakcheev: Svidetel'stva sovremennikov. Moscow: Nov. lit. oboz., 2000. P. 106–126.

Bulgarin F.V. Poezdka v Gruzino v 1824 godu // Arakcheev: Svidetel'stva sovremennikov. Moscow: Nov. lit. oboz., 2000. P. 252–263.

Chartorizhskij A. Memuary knjazja Adama Chartorizhskogo i ego perezpiska s imperatorom Aleksandrom I: v 2 t. Moscow, 1912–1913. Vol. 1. [2], X, 388 p.

Chartorizhskij A.A. Zapiska (nach. 1806 g.) // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. Saint Petersburg: Tip. Stasjulevicha, 1892. Vol. 82: Dip. snoshenija Rossii i Francii v jepohu Napoleona I. Vol. III: 1805–1806. S. 200–214.

Czartoryski A. Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre Ier: 2 vol. Paris, 1887. T. 1. XX, 438 p.

Dubrovin N.F. Napoleon v sovremennom obshhestve i v russkoj literature // Russkij Vestnik. 1895. Vol. 237. N 4. P. 214–248.

Dubrovin N.F. Napoleon v sovremennom obshhestve i v russkoj literature // Russkij Vestnik. 1895. Vol. 239. N 7. P. 73–114 [okonch. predydushh.].

Fadzhionatto R. A.N. Golicyn // Protiv techenija:

Istoricheskie portrety russkih konservatorov pervoj treti XIX v. Voronezh, 2005. P. 218–266.

Fotij (Spasskij), arhimandrit. Bor'ba za veru. Protiv masonov. Moscow: In-t rus. civiliz., 2010. 400 p.

Gauenshil'd F.M. M.M. Speranskij / Per. s nem. // Russkaja starina. 1902. Vol. 110. kn. V (maj). P. 251–262.

Gordin Ja.A. Mistiki i ohraniteli. Delo o masonskom zagovore. Saint Petersburg: Izd-vo «Pushkinskogo fonda», 1999. 288 p.

Gotovceva A.G. «Russkij knjaz'» pri imperatorskom dvore: Petr Dolgorukov i Aleksandr I // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2015. N 1 (46). P. 73–81.

Gotovceva A.G., Kijanskaja O.I. Ryleev. Moscow: Molodaja gvardija, 2013. 350[2] p. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej).

Grech N.I. Vospominanija starika // Arakcheev: Svidetel'stva sovremennikov, Moscow: Nov. lit. oboz., 2000. P. 263–276.

Karamzin N.M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenijah. Moscow: Nauka, 1991. 127 p.

Kazakov N.I. Napoleon glazami ego russkih sovremennikov // Novaja i novejsaja istorija. 1970. N 3. P. 31–47.

Kizevetter A.A. Istoricheskie ocherki. Moscow: Territorija budushhego, 2006. 448 p.

Kljuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii // Kljuchevskij V.O. Sochinenija: v 9 t. Moscow: Mysl', 1989. Vol. 5: Kurs russkoj istorii. Ch. 5. 476 p.

Kondakov E.Ju. Liberal'noe i konservativnoe napravlenija v religioznyh dvizhenijah v Rossii pervoj chetverti XIX veka. Saint Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2005. 343 p.

Korf M.A. Zhizn' grafa Speranskogo: v 2 t. Saint Petersburg: Tip. II otd. subst. e.i.v. kanc., 1861. Vol. 1. XVIII, 283 p.

Lotman Ju.M. Teatr i teatral'nost' v stroe kul'tury nachala XIX veka // Lotman Ju. Moscow: Izbrannye stat'i: v 3 t. Tallin: Aleksandra, 1992. Vol. 1. P. 269–287.

Majofis M.L. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshhestvo «Arzamas» i rossijskij modernizacionnyj proekt 1815–1818 godov. Moscow: Nov. lit. oboz., 2008. 800 p.

Mel'nikova L.V. Armija i Pravoslavnaja Cerkov' Rossijskoj imperii v jepohu napoleonovskih vojn. Moscow: Kuchkovo pole, 2007. 416 p.

Mestr Zh, de. Peterburgskie pis'ma. Saint Petersburg: Inapress, 1995. 334 p.

Mestr Zh., de. Sochinenija. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2007. 104 p.

Metternich C-V. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'État; pub. par son fils le prince Richard de Metternich: 8 vol. Paris: E. Plon et Cie, 1881. T. III. 631 p.

Mihajlovskij-Danilevskij A.I. Opisanie pervoj vojny imperatora Aleksandra s Napoleonom v 1805 godu. Saint Petersburg: Tip. Shtaba otd. korp. vnutr. strazhi, 1844. 304 p.

Minakov A.Ju. Russkij konservatizm v pervoj chetverti XIX

veka. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 2011. 560 p.

Napoléon Ier. Oeuvres de Napoléon Bonaparte: 5 vol. Paris: C.L.F. Panckoucke, 1821. T. III. [4], 524 p.

Narinskij M.M. Napoleon v sovremennoj emu rossijskoj publicistike i literature // Istorija SSSR. 1990. N 1. P. 126–138.

Nikolaj Mihajlovich, vel. kn. Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov. Istoricheskoe issledovanie jepohi imperatora Aleksandra I: v 3 t. Saint Petersburg: Jeksp. zagot. gosud. bumag, 1903. Vol. 2. XXII, 435 p.

Nikolaj Mihajlovich, vel. kn. Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov. Istoricheskoe issledovanie jepohi imperatora Aleksandra I: v 3 t. Saint Petersburg: Jeksp. zagot. gosud. bumag, 1903. Vol. 3. XXXII, 381 p.

Nikolaj Mihajlovich, vel. kn. Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovanija: v 2 t. Saint Petersburg: Jeksped. zagot. gosud. bumag, 1912. Vol. 1. XIV, 580 p.

Nikolaj Mihajlovich, vel. kn. Knjaz'ja Dolgorukie, spodvizhniki imperatora Aleksandra I v pervye gody ego carstvovanija: Biograficheskie ocherki. Izd. 2-e, ispr. i dom. Saint Petersburg: Jeksp. zagot. gosud. bumag, 1902. 189 p.

Parsamov V.S. «Apokalipsis diplomatii» («Akt o Svjashhennom sojuze» v interpretacii K.-V. Mitterniha, baronessy Krjudener, Zhozefa de Mestra i Aleksandra Sturdzy) // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2003. Vyp. 20. P. 44–66.

Parsamov V.S. Mechty o mirnom XIX veke // Izobretenie

veka: Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope XIX stoletija. Moscow: Nov. lit. obozr., 2013. P. 55–72.

Rostopchin F.V. Zapiska o martinistah, predstavlenaja v 1811 godu grafom Rostopchinym velikoj knjagine Ekaterina Pavlovne // Russkij arhiv. 1875. Kn. III. N 9. P. 75–81.

Semevskij V.I. Dekabristy-masony // Minuvshie gody. 1908. N 2 (February). P. 1–50.

Semevskij V.I. Padenie Speranskogo // Otechestvennaja vojna i Russkoe obshhestvo 1812–1912: Jub. izd: v 7 t. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina, 1911. Vol. II: Posle Til'zita. Rossija pered 1812 g. P. 221–246.

Shhebal'skij P.K. Shishkov, ego sojuzniki i protivniki // Russkij vestnik. 1870. Vol. 90. N 11/12. Pag. 1. P. 192–254.

Shil'der N.K. Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i carstvovanie: v 4 t. Saint Petersburg: Tip. A.S. Suvorina, 1897. Vol. 2. 408 p.

Shishkov A.S. Zapiski. Moscow: Univ. tip., 1868. [2], II, 142 p.

Shuazel'-Guff'e S. Istoricheskie memuary ob imperatore Aleksandre i ego dvore / Per. s franc. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2007. 236 p.

Speranskij M.M. Izbrannye sochinenija / Sost., vstup. st., kom. V.S. Parsamova. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 776 p.

Speranskij M.M. Opravdatel'naja zapiska, adresovannaja Aleksandru I, 1813 g. // Druzheskie pis'ma grafa M.M. Speranskogo k P.G. Masal'skomu, pisannye s 1798

po 1819 god, s istoricheskimi pojasnenijami, sostavlennymi K. Masal'skim, i nekotorye sochinenija pervoj mladosti grafa M.M. Speranskogo. Saint Petersburg: tip. II otd-nija Sobstv. e. i. v. kanceljarii, 1862. 142, 16 p.

Speranskij M.M. Otchet o delah 1810 g., predstavlenyj imperatoru Aleksandru I 11 fevralja 1811 goda // Sbornik Imperatorskogo ruskogo istoricheskogo obshhestva. Saint Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk, 1877. Vol. 21. P. 447–462.

Stroganov P.A. Mnenie (nach. 1806 g.) // Sbornik Imperatorskogo ruskogo istoricheskogo obshhestva. Saint Petersburg: Tip. Stasjulevicha, 1892. Vol. 82: Dip. snoshenija Rossii i Francii v jepohu Napoleona I. Vol. III: 1805–1806. P. 215–217.

Uortman R. Scenarii vlasti: Mify i ceremonii ruskoj monarhii: v 2 t. Moscow: OGI, 2002. Vol. 1. 605 p.

Vigel' F.F. Zapiski. Moscow: Zaharov, 2003. Kn. 1. 607 p.

Vishlenkova E.A. «Zabotjas' o dushah poddannyh: Religioznaja politika v Rossii pervoj chetverti XIX veka». Saratov: Izd-vo Saratovskogo gos. un-ta, 2002. 439 p.

Zorin A.L. Kormija dvuglavogo orla. Moscow: Nov. lit. oboz., 2001. 414 p.

Восстание декабристов и перспективы модернизации России в восприятии американцев в 1820-х годах

А.С. Панов

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия американцами восстания на Сенатской площади сквозь призму революционных движений в Европе и Латинской Америке первой половины 1820-х годов. Североамериканское общество внимательно наблюдало за разворачивающимися в мире событиями, пытаясь сравнить их со своим собственным революционным опытом. Автор приходит к выводу о том, что восстание декабристов воспринималось в США как составляющая мирового революционного тренда, требующего осмысления. Как и в отношении других стран, где происходили восстания или революции, России следовало пройти тест на готовность к модернизации.

Ключевые слова: движение декабристов, образы Другого, модернизация, ориентализм, национальный характер.

Панов **Антон** **Сергеевич** – аспирант, ассистент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский государственный гу-

манитарный университет (ПГУ), Москва. E-mail: pushpanrocks@gmail.com

A.S. Panov. The Decembrists and the Americans' Perception of Russia's Modernization Prospects in the Context of the 1820s Revolutionary Wave

Abstract. The article considers the problem of the Americans' perception of the Decembrist revolt in Russia on December 14, 1825 through the prism of the revolutionary movements in Europe and Latin America of that period. The North American society was closely observing the unfolding events in the world, trying to compare them with their own revolutionary experience. In this context the Decembrist revolt in Russia is perceived in the USA as a part of the worldwide revolutionary trend, requiring comprehension. Together with other countries where revolts or revolutions took place, Russia should be tested for its modernization abilities.

Keywords: the Decembrist revolt, images of the Other, modernization, orientalism, the national character.

Panov Anton Sergeevich – postgraduate student, assistant lecturer at the Department of Area Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow. E-mail: pushpanrocks@gmail.com

Одной из ключевых проблем в изучении Русской революции 1917 г. до недавнего времени являлся поиск ее идеологических и духовных истоков. Для поколений советских людей была непреложной истиной сформулированная В.И. Ле-

ниным мысль о трех поколениях русских революционеров, первым из которых оказались декабристы. Дворянские офицеры, вышедшие 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь, как известно, «разбудили» Герцена, который, в свою очередь, «развернул революционную агитацию» [9, с. 261]. Эта ленинская аксиома во многом стала причиной появления декабристского мифа в историографии и побудила отечественных историков к усиленному изучению убеждений лидеров декабристов, в том числе «американских корней» их проектов. Так, например, хорошо изучен вопрос о влиянии Конституции США и главных законов отдельных штатов на конституцию Н.М. Муравьева [1, с. 492–496; 4].

По другую сторону Атлантики изучение восстания декабристов в XX в. находилось под воздействием концепций, в которых выражалась различная степень уверенности в способности России к модернизации и демократизации. Поэтому знание о дворянских тайных обществах, возникших во второй половине царствования Александра I, также во многом мифологизировалось [24].

Недавние российские исследования начали «возвращать» декабристов в их историческую среду и в значительной степени избавили от идеологии [8]. В связи с этим представляется актуальным возратить восстание на Сенатской площади и в соответствующий ему по времени американский контекст.

В статье рассматриваются образы декабристов в репрезен-

тациях современников-американцев. Изучение заокеанского взгляда на петербургские события декабря 1825 г. осуществляется на основе методологии социального конструктивизма (в частности, так называемого западного ориенталистского дискурса) [5; 12; 14]. В рамках заявленной методологии нас будет интересовать не соответствие образа реальности, а то, почему инонациональные события воображались так, а не иначе. Поэтому восстание декабристов рассматривается не само по себе, а в американском социокультурном и политическом контексте, который и позволяет ответить на вопрос «почему».

Источниковая база представлена материалами американской прессы и реляциями посла США в России Генри Миддлтона. Газеты в «эру доброго согласия» не только были самым простым способом узнать о происходящем в стране и мире, но стали «основным полем борьбы общественных идей» [6, с. 19]. Мы ограничились выборку газет двумя главными изданиями той эпохи: во-первых, это «Нэшнл Интеллидженсер», выпускавшейся в Вашингтоне, имевшей полуофициальный статус и старавшейся сохранять нейтральный тон; во-вторых, «Найлз Уикли Реджистер», издававшейся в Балтиморе Иезекией Найлсом, горячо поддерживавшим в первой половине 1820-х годов революционно-освободительные движения в Латинской Америке и Греции.

Первая революционная волна 1820-х годов (как это явление назвал Эрик Хобсбаум), прокатившаяся по странам Южной Европы и Латинской Америки [15, с. 158–159], оказала серьезное воздействие на формирование национальной идентичности Соединенных Штатов Америки. Наблюдая за происходящими событиями в разных уголках земного шара, представители молодой американской нации не только сравнивали зарубежный освободительный опыт со своим, но и убеждались в его уникальности.

Было бы логичным предположить, что американцы с симпатией относились к любой революции, однако это вовсе не так. После разочаровывающего опыта Французской революции образованные круги в США весьма осторожно восприняли новую волну протестных движений в 1820-х годах. На восприятие американцами революций влияло множество различных обстоятельств.

Так, например, в исследовании А.А. Исэрова об отношении США к борьбе Латинской Америки за независимость убедительно показано, что религиозный фактор оказывал реальное влияние на образ этого региона в репрезентациях американцев. Католицизм в глазах протестантской общественности становился религией подчинения и невежества, препятствуя успешной либерализации латиноамериканцев

[6, с. 51–56].

В то же время борющиеся за независимость греки имели больше шансов достичь успеха благодаря наследию своей древней философии, высоко ценившейся в образованной среде США. Жители Пелопоннеса XIX в. виделись многим американцам наследниками великой культуры своих далеких предков из Древней Эллады, с которыми они в действительности имели мало общего. Общее воодушевление довольно ярко иллюстрирует письмо анонимного читателя, опубликованное в 1823 г. в «Юнайтед Стейтс Газетт», где тот приветствует желание греков повторить американский революционный опыт [56; 58].

Эти два примера – лишь отдельные воплощения теории о линейном прогрессе народов, уходящей корнями в эпоху Просвещения, в рамках которой формировались представления европейцев и американцев о мире. Согласно ей, все народы проходят один и тот же стадийный путь развития от варварства до истинного просвещения, что в синхроническом разрезе позволяет рассмотреть все страны мира на разных уровнях прогресса. Для суждения о степени цивилизованности народа вводилось умозрительное понятие «национального характера», выявлявшее соотношение между свободным правительством (и / или рыночной экономикой) и «качеством» жителей той или иной страны [57, р. 3]. Ключевыми факторами, оказывавшими влияние на национальный характер, были природные условия (климат, расположение

государства и др.) и историко-культурный контекст (происхождение нации, религия, форма правления и др.).

В крайне популярном американском географическом атласе Вудбриджа, вышедшем в 1824 г. и издававшемся почти без изменений до 1866 г., государства разделены на несколько категорий: на дикие, варварские, полудивилизованные, цивилизованные и просвещенные. Россия в этом своеобразном рейтинге народов занимает четвертую ступень – цивилизацию, которая в целом характеризуется хорошим знанием наук и искусств, а также равенством в положении мужчин и женщин. Но, как замечает составитель атласа, некоторые цивилизованные страны (например, Польша или Португалия) могут быть названы таковыми лишь с оговорками, поскольку большая часть их населения во многом сохраняет варварские обычаи. К таким государствам относится и Россия [59, р. 176], так как большая часть населения страны остается «вассалами или рабами» [59, р. 179] и, несмотря на определенный прогресс в деле распространения знания [59, р. 208], невежественна [59, р. 200].

Анализ степени развития стран и особенностей национальных характеров позволяет Вудбриджу ранжировать все государства в своеобразном рейтинге силы. Европейские страны, по его мнению, могут быть разделены на четыре класса. Россию, наряду с Великобританией, Францией, Австрией и Пруссией, он помещает в наиболее престижный первый класс (это великие державы в рамках Венской си-

стемы международных отношений), правда, предсказуемо с несколькими оговорками. По мнению автора атласа, Российская империя обязана этому положению только своими размерами, численностью населения и значительным политическим влиянием, хотя ее культурное и научное развитие оставляет желать лучшего [59, р. 259].

После Наполеоновских войн именно размеры и недостаточная цивилизованность Российской империи пугали американских современников. «В каком же состоянии оставлена Европа после всех этих событий (т.е. после Наполеоновских войн и Венского конгресса. – *А. П.*)? – вопрошал спикер Палаты Представителей Генри Клей в 1818 г. – Она разделена на две великие силы: одна имеет неоспоримое превосходство на земле, а другая – на воде. Париж перемещен в Санкт-Петербург, а флотилии [стран] Европы находятся на дне моря или сконцентрированы в портах Англии. Россия – это огромное сухопутное животное – внушая благоговение ужасным видом своей необъятной силы всей континентальной Европе, ищет способ окружить Порту, и, представляя себя океанским кракеном, желает омыть свои огромные бока в более мягких водах Средиземного моря» [19, р. 157].

С началом революционных событий в Европе и Латинской Америке на рубеже 1810–1820-х годов отношение к России как к противнику либерализации еще более усилилось. Если Священный союз, именуемый на страницах

«Найлз Уикли Реджистер» «печально известной хунтой» (*notorious junta*), представлялся многим американцам реакционным, но хотя бы цивилизованным образованием, то Россия во главе с Александром I начинает представлять той «извечной» силой, которая в принципе отрицает все новое и готова на завоевания и интервенции – лишь бы все осталось как прежде [21, р. 21–22].

Опасения относительно возможного появления вооруженных сил Священного союза в Южной Америке толкают в 1823 г. президента Дж. Монро и госсекретаря Дж.К. Адамса к формулировке «доктрины Монро», постулирующей принцип «Америки для американцев» и запрещающий европейским империям продолжать колонизационную политику в Америке. Восторженно принятая простыми гражданами США, она одержала окончательный успех скорее благодаря поддержке Великобритании [20, р. 193]. Как бы то ни было, отказ от планов Священного союза по отправке карательного корпуса в Южную Америку в потенциале мог привести к увеличению роли США в регионе и воодушевлял тех, кто мечтал о повторении американского революционного опыта где-нибудь еще [25, р. 175; 7]. Однако едва ли кто-либо осенью 1825 г. мог предположить, что к сонму наций, охваченным огнем восстания, может примкнуть и Россия.

Если государственная машина во многом замкнута на воле одного человека – в нашем случае российского императора – то его смерть так или иначе принесет изменения для всей жизни страны. После того, как 11 февраля 1826 г. американские газеты сообщили о смерти Александра I [28], в прессе стали появляться разного рода спекуляции о будущем России и взаимоотношениях между великими князьями Константином, считавшимся всеми наследником, и Николаем.

Константин Павлович, рассматривавшийся основным наследником усопшего императора, был характеризован как обладатель «очень вспыльчивого характера и жестокого нрава», обладающего большим авторитетом в армии [45; 29; 30; 31]. Йезекия Найлз в большой статье 11 февраля отзывался об Александре I и о Константине крайне негативно, называя первого холодным и расчетливым деспотом, а второго – высокомерным и жестоким любителем военной помпезности и парадов [47]. Перспективы грядущего царствования также отнюдь не радовали: по мнению автора статьи, новый император вполне может замахнуться на исполнение мечты своей бабушки Екатерины и присоединить к России Грецию вместе с Константинополем, тем самым не только сделав империю еще более могущественной и угрожающей, но и обрубив на

корню революционные устремления самих греков [45]. После известий о желании Константина отречься от престола в пользу своего брата внимание прессы естественным образом переключилось на Николая Павловича [46; 48; 35].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.